

Е. Э. Липшиц

НИКИФОР И ЕГО ИСТОРИЧЕСКИЙ ТРУД

Никифор — видный церковный и политический деятель позднеиконоборческого периода, занимавший в 806—815 гг. патриарший престол в Константинополе, известный не только своими церковно-политическими сочинениями, но и историческими трудами, представляющими значительный интерес.

Деятельность Никифора, как и его отца Федора, была тесно связана с Константинополем и императорским двором в период чрезвычайно сложных и трудных перипетий, пережитых империей во время иконоборческих споров. Яркой иллюстрацией всей сложности создавшейся для него ситуации может служить тот факт, что отец Никифора (оставаясь иконопочитателем) был одним из приближенных при дворе заклятого иконоборца императора Константина Копронима и состоял на придворной службе до конца своей жизни, несмотря на неоднократные ссылки.¹

Самому же Никифору, первоначально светскому сановнику, ставшему патриархом по воле одноименного ему императора, пришлось быть активным участником двух дворцовых переворотов и венчать на царство императора Льва V Армянина, прославившегося вскоре после того своими преследованиями иконоборцев и ссылкой всех виднейших сторонников иконопочитания, в том числе Федора Студита и самого Никифора. При этом мы застаем Никифора в начале его карьеры, возведенным в сан патриарха императором, принципы религиозной политики которого (религиозная терпимость к еретикам-павликианам и главенство государства над церковью) выводили из себя монахов. А самый факт провозглашения Никифора патриархом вызывает резкий протест его будущего друга и единомышленника, наиболее непримиримого и нетерпимого идеолога монашества и церковной независимости — Федора Студита.

О жизни и деятельности Никифора можно судить, помимо его собственных произведений, и по многочисленным сведениям, сохранившимся о нем у ряда современных ему писателей, не говоря уже о более поздних. Так в современных ему хрониках Феофана² и Анонима IX в. о Льве, сыне Варды,³ подробно рассказывается о времени его патриар-

¹ Cp. Vita Nicephori в книге: Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani opuscula historica ed. C. de Boor, accedit Ignatii diaconi vita Nicephori, Lipsiae, 1880, p. 145 sqq.

² Theoph. Chronographia, ed. d. Boor. Lipsiae, 1885, pp. 481, 20; 362, 30; 481, 13; 493, 17; 481, 22; 434, 22; 492, 15; 492, 23; 493, 31; 494, 27; 495, 3; 493, 45; 499, 27; 502, 10; 502, 20; 502, 30.

³ Scriptor incertus de Leone Bardae Filio, ed. Bekker (вместе с Львом Грамматиком) Bonn, 1842.

шества и о его позиции накануне и его время возобновления иконоборческих мероприятий императора Льва V Армянина. Сведения о Никифоре можно почерпнуть и из переписки известного защитника иконопочитания Федора Студита, в которой сохранилось несколько писем, адресованных Никифору.⁴ Очень большое место уделяется Никифору в агиографической литературе IX в., среди которой на первое место по обилию сведений следует поставить подробное, хотя и крайне идеализованное и одностороннее жизнеописание Никифора, составленное его учеником диаконом Игнатием.⁵

Сообщения, содержащиеся в небольшом слове пресвитера и игумена Феофана об изгнании Никифора,⁶ в повествовании о Никифоре и Тарасии,⁷ а также в многочисленных житиях IX в., таких, как надгробное слово Платону, написанное Федором Студитом,⁸ как житие самого Федора, написанное Михаилом Студитом,⁹ как энциклика ученика Федора Навкратия о смерти Федора Студита,¹⁰ как житие Иоанна Психаита,¹¹ как жизнеописание патриарха Игнатия Никиты Давида Пафлагонянина,¹² Иоанникия Вифинского¹³ и Макария Пелекитского, написанные Саввой,¹⁴ Никиты, написанное его учеником Феостериком, — могут значительно пополнить эти сведения.¹⁵

Наконец, и у большого числа позднейших византийских писателей — Георгия Монаха,¹⁶ Льва Грамматика,¹⁷ Генесия,¹⁸ Продолжателя Феофана,¹⁹ Псевдо-Симеона,²⁰ Кедрина²¹ имеется ряд дополнительных сообщений, которые дают возможность лучше охарактеризовать биографию и место Никифора в сложной политической ситуации, создавшейся в Византии накануне восстания Фомы Славянина.

Никифор родился в Константинополе в царствование императора Константина V (741—775). Отец его Федор, состоявший на придворной службе, неоднократно подвергался вследствие своих иконопочитательских воззрений ссылкам. Сначала он был выслан в Каппадокию в крепость Пимолиссу, затем, после нового вызова в Константинополь, переехал в Никею. Он занимал в Константинополе должность нотариуса в императорском тайном приказе (секрете), оставаясь на службе до конца своей жизни. Никифор также начал свою карьеру светским придворным писцом в „секрете“.²² Когда после смерти Льва Хазара

⁴ Migne. Patr. gr., t. 99 № 18 (814 г.); 30 (306 г.); 25 (308 г.); 79 (821 г.).

⁵ Op. cit., pp. 139—217.

⁶ De exilio s. Nicephori et translatione reliquiarum, Vers. lat. Migne, t. 100, p. 139 sqq.

⁷ Narratio de patriarchis Tarasio et Nicephoro. Migne, t. 99, p. 1849 sqq.

⁸ Migne, Patr. gr., t. 99, pp. 804—849.

⁹ Ibid., 233 sqq.

¹⁰ Ibid., 1825 sqq.

¹¹ Ed. van der Ven. Muséon, Nouv. sér. III, 97. 1902.

¹² Migne. Patr. gr., t. 105, 438 sqq.

¹³ Acta sanctorum. Nov. IV. 11, 1894, p. 332 sqq.

¹⁴ Analecta Bollandiana XVI. 1897, p. 140 sqq.

¹⁵ Acta sanctorum. April III, t. 1, p. XXII sqq.

¹⁶ Ed. de Boor. 2 vol. Leipzig, 1904.

¹⁷ Ed. Bonn, 1842.

¹⁸ Ed. Bonn, 1834.

¹⁹ Ed. Bonn, 1838.

²⁰ Ed. Bonn, 1838.

²¹ Ed. Bonn, 1839.

²² ἡρέθη γὰρ ὑπογράψας τοῖς τῶν χριστιανῶν μυστηρίοις ὑπερεβούμενος, οὕτω γὰρ πρὸς τῇ αὐτοῦ διὰ λέξεω τὸ Ἀρχιγράφος ὄνομα. Он был взят писцом в императорские секреты, ибо название этой должности на авзонском (латинском) диалекте означает а secretis, т. е. служащий в тайном управлении (Vita, p. 144).

воцарилась Ирина, Никифор принял участие в соборе 787 г., собранном императрицей Ириной. Восстановление иконопочитания Ириной, а может быть, и другая причина вызвала поворот в судьбе Никифора. Хотя и не сразу, он все же бросает службу при дворе и удаляется на холм, расположенный против Фракийского Боспора, надевает рубище и ведет жизнь подвижника в основанном им монастыре. По словам Игнатия, Никифор усердно занимался наукой, как духовной, так и светской, в которой он, по отзыву его биографа, был чрезвычайно силен. Помимо богословия, и в светских науках — грамматике, риторике, софистике, математике, музыке, философии, изучению которых так много уделялось внимания в школе патриарха Тарасия, Никифор „достиг вершин познания“. Когда патриарх Тарасий умер (25 февраля 806 г.), преемником его, по инициативе императора Никифора, был поставлен Никифор, несмотря на резкий протест Платона и Федора Студита. Свидетельство Феофана в этом пункте подтверждается документально письмом Федора Студита к императору, из которого вытекает, что Федор Студит как будто бы сам претендовал на занятие этого поста.²³ Там, во всяком случае, выдвигаются основания, по которым кандидатуру Никифора следовало бы отвергнуть; так, в качестве одного из условий, необходимых для занятия поста патриарха, указывается последовательное прохождение разрядов церковной службы от низшего к высшему, которому Никифор, конечно, как светский человек, еще не успевший даже принять монашескую схиму, не удовлетворял.²⁴ Об агитации, проводившейся дядей Федора Студита, Платоном, против назначения Никифора, сообщает Федор в надгробном слове Платону.²⁵ При этом оба будущие единомышленника Никифора за свое противодействие были даже подвергнуты тюремному заключению в течение 24 дней.²⁶ Никифор был провозглашен патриархом. О его деятельности на этом посту в оставшийся период царствования одноименного ему императора, т. е. до 811 г., мы мало осведомлены. Известно лишь, что он обратился с письмом к римскому папе Льву III (795—811) о единении; повидимому самовластное вмешательство императора в дела церкви и его политика покровительства сектантам-павликианам не соответствовали взглядам Никифора. Последнее вытекает с очевидностью из дальнейших событий.²⁷ Когда после смерти императора, павшего в войне с болгарами, против его сына Ставракия был организован заговор для передачи престола мужу Прокопии (дочери убитого императора) Михаилу Рангаве, Никифор после недолгого колебания оказался среди заговорщиков. Феофан сообщает, что Ставракий, лежавший больным после тяжелого ранения в спину, полученного в битве с болгарами, и видимо, мало надеявшийся на возможность своего выздоровления, хотел решить вопрос о престолонаследии не совсем обычным способом: либо путем венчания на царство своей жены Феофано, либо так, чтобы „прибавить

²³ J. Bury. *History of the Eastern Roman Empire*. 1912, p. 32; ср. Theoph. Chronogr. 481, 22; 484, 22; ср. 470.

²⁴ Ср. Migne. *Patr. gr.* 99, p. 960; ep. I, 16. Theoph. Chronogr. 481, 28; cf.

²⁵ Migne. *Ibid.*, p. 837; cf. J. Bury. *Op. cit.*, p. 33.

²⁶ *Ibid.*

²⁷ Ярким доказательством вмешательства императора Никифора в дела церкви явился созыв собора в 809 г. для оправдания Иосифа, венчавшего Константина VI с Феодорой (сентябрь 795 г.) после развода его с Марией (ср. Theoph. 481, 22; J. Bury. *Op. cit.*, p. 34; Mansi XIV, 4; Hefele. *Conciliengeschichte*, t. III, 397; Theodori Studitae. *Ep.* p. 1018, ep. I, 33), что вызвало ряд протестов со стороны церковников и монахов.

ко всем бедствиям, обрушившимся на христиан, еще и демократию“ *ἡ δημοκρατίαν εὐεῖραι χριστιανῶς ἐπὶ τοῖς προλαβοῦσι κακοῖς*. „Тогда-то, — говорит Феофан, — Никифор, напуганный (πτοηθέντος) этой идеей Став-ракия, перешел в ряды заговорщиков, объединившихся вокруг Михаила и Прокопии, среди которых были магистр Феоктист, патрикий Стефан — домашник схол и некоторые другие придворные. Для того чтобы изменить кардинальным образом положение вещей в пользу проведения церковной политики в желательном для него направлении, Никифор предварительно заручился от Михаила собственноручной распиской в том, что он будет соблюдать православие и не будет преследовать священников, монахов и церковнослужителей. При коронации Михаил подарил патриарху 50 литров золота, а священнослужителям 25 литров. А затем, по инициативе патриарха, Михаил, ставший при его помощи императором, объявил смертную казнь еретикам, которые пользовались покровительством его предшественника“. По словам Феофана, „движимый великой ревностью к богу благочестивейший император, по внушению благочестивого патриарха Никифора, объявил смертную казнь манихеям — нынешним павликианам и афинганам во Фригии и Ликаонии“.²⁸

Правда, наш источник указывает, что императора удержали от массовых гонений другие советники, но все же, — прибавляет он, — не малое число сектантов было предано казни мечом.

Царствование Михаила I продолжалось, как известно, недолго. Поражение византийской армии во время болгарской войны в битве при Версиникии 22 июня 813 г., когда ей пришлось встретиться в открытом поле с болгарской армией, состоявшей преимущественно из славян, и бегство Михаила с поля сражения поставило на очередь вопрос о судьбах престола. Лев Армянин, ставший по поручению Михаила во главе армии, оказался наиболее подходящим кандидатом. Оставалось лишь уговорить Михаила отречься, что и было сделано Никифором. По данным некоторых источников, Лев обратился до своего воцарения с письмом к Никифору с уверением в том, что он будет соблюдать православие, и этим обеспечил себе поддержку патриарха. Такова версия Феофана и Анонима,²⁹ вероятно гораздо более близкая к истине, чем та, которую можно найти в жизнеописании Никифора, составленном Игнатием. Согласно последнему, Лев, которого Феофан лестно именует здесь *εὐσεβῆς καὶ ἀνδρείοτατος*, в житии представлен, как человек, позорно бежавший со своим войском с поля сражения.³⁰ По словам Игнатия, он подкупил народ и захватил престол, так что Михаилу с Прокопией осталось только уйти в монастырь. Не ожидая от Льва ничего хорошего, Никифор по обычаю вручил императору послание о вере, которое Лев временно отложил, обещая рассмотреть его после венчания, а потом снова от этого отказался. А когда Никифор венчал Льва на царство, — говорит Игнатий, — он ощущал в руке тернии (*ἀκάνθας*) и колючки (*τριβόλους*); ту же явно приукрашенную версию, искаженную в смысле, желательном для полного оправдания Никифора в глазах иконопочитателей, передает и Генесий.³¹

²⁸ Ср. J. Bury, Op. cit. 351. Theoph. Chronogr., p. 495.

²⁹ Theoph. Chronogr., p. 501—502; Scriptor incertus, p. 339—340.

³⁰ Vita Niceph., p. 162 сл. „У императора разгоралась война с гуннами во Фракии, где они причинили многим городам большой ущерб; во время этой войны Лев был главным виновником поражения и вызвал постыдное бегство всей армии“.

³¹ Genesii Regum. Bonn, p. 26 sq. — У Продолжателя Феофана первая версия подтверждается тем, что сообщается о тайном поручении Михаила, данном им одному слуге, — передать Льву императорские инсигнии. Эта версия засвидетельствована

Последующие события в изложении современников рисуются так: Лев, начавший подготовку восстановления иконоборчества, вступил в конфликт с Никифором, действовавшим на этом этапе своей жизни в контакте с Федором Студитом. Рассказывается в разных вариантах о разгоревшейся дискуссии, когда Лев, подготовив все материалы с помощью особой ученой комиссии во главе с Иоанном Грамматиком, призвал Никифора во дворец. О ходе работ этой комиссии известно, что ей был разрешен доступ во все церковные и монастырские библиотеки для изучения необходимых книг, и в частности актов собора 754 г.,³² и в найденных местах текста ставились специальные отметки (*συνάδη*). К декабрю 814 г. работы комиссии были закончены, и Никифор был приглашен во дворец к императору для частной беседы, во время которой Никифор упорно отстаивал свою позицию. Позже, после того, как была разбита икона Христа на воротах Халкопратии, церковники во главе с Никифором собрались на совещание, и Никифор обратился к императору с просьбой об отставке, которая не была, однако, принята. В дальнейшем же развитии событий, когда организовалась резкая оппозиция, во главе с Федором, против церковных мероприятий императора, вопрос об отставке Никифора стал на очередь дня. В мае 815 г. иконоборческим собором Никифор был смещен и сослан в основанный им монастырь Агафа *μονήν τῶν Ἀγῶν*, а затем и в другой монастырь Федора [на азиатском берегу Босфора], где он продолжал неутомимо отстаивать свои взгляды и где его посетил Федор Студит. Последний был освобожден из ссылки в Смирне во время восстания Фомы, из опасения [как говорится в его житии], чтобы приверженцы Студита не пристали к Фоме, так как говорили, что „Фома признает иконы и поклоняется им“. Судя по письму Федора Студита к Михаилу по вопросу о казни Фомы, можно считать, что император в этом отношении добился успеха. Никифор обратился к Михаилу II с посланием о православии, но Михаил ответил его посланцам, что желает сохранить *status quo*; соборы Тарасия, Копронима и Льва V не должны приниматься во внимание; вопрос об иконопочитании обсуждению не подлежит: пусть никто не осмеливается приводить в движение язык свой³³ ни против икон, ни за иконы.³⁴ Поскольку Никифор должен был для возвращения в Константинополь отказаться от борьбы, он остался в изгнании. Пробыв в изгнании 14 лет с лишним, Никифор умер в июне 829 г. Его иконопочитательская деятельность снискала ему большую популярность среди единомышленников. Когда иконопочитание было восстановлено, то вскоре, в 847 г., его прах, по инициативе патриарха Мефодия, был перевезен в Константинополь и погребен в церкви апостолов.

другими источниками. Так, в одной миниатюре рукописи Скилицы (XIV в.) Михаил изображен коронующим Льва. Оба стоят на щите. Diehl. Ch. Manuel d'art byzantine II, 778; J. Burg. Op. cit., p. 28; Mich. Syr., p. 70. В житии же Федора Студита удерживается версия Игнатия. Лев, стратег Востока, подкупив бывшее под его начальством войско и привлеки предводителей на свою сторону обещаниями высших почестей, производит возмущение против императора Михаила. Migne, Patr. gr., t. 99, стр. 170.

³² Дата собора установлена с точностью Б. М. Мелиоранским в книге „Георгий Киприянин и Иоанн Иерусалимлянин“ СПб., 1901, Burg относит собор к 753 г.

³³ Theod. Stud., ep. ep. II, 129; col. 1416—1417.

³⁴ Vita Nicephori, ed. de Boor, p. 210. „Мы же какой нашли церковь, такой же решаем ее сохранить. Говоря точнее, мы постановляем, чтобы никто не осмеливался приводить в движение язык свой ни против икон, ни за иконы“.

Литературное наследство Никифора включало ряд богословских произведений, значительная часть которых носила полемический характер.³⁵

Опираясь на прекрасное знание предшествующей патристической литературы, Никифор в этих сочинениях старался дать систематизированный отпор тем доводам против иконопочитания, которые были приведены Константином V, а также и тем, которые были собраны комиссией Иоанна Грамматика и фигурировали на соборе в 815 г. Историческая ценность этих произведений заключается также в том, что автор часто цитирует, в полемических целях, утраченные произведения иконоборца Константина Копронима, а также и Епифания Кипрского.³⁶ К времени изгнания Никифора относится и переписка, из которой сохранилось, однако, лишь два письма (да и то не полностью); одно, обращенное к папе Льву III, и фрагмент письма к императору Льву Армянину.

Исторические произведения Никифора представляют собой два небольших труда, краткий хронологический перечень событий „Χρονογραφικὸν βιβλίον“ (или *χρονογραφικὸν ἐν συντόμῳ, ἐν ἐπιτόμῳ, ἐν συνόψει, χρονογραφία συντομος*) от Адама до смерти Никифора в 829 г., в котором в сжатых таблицах перечисляются цари иудейские, персидские, египетские (Птолемеи), римские императоры, епископы Константинополя, Рима, Александрии, Антиохии. Это произведение приобрело большую популярность в средние века. Второй труд — „Бревиарий“, охвативший период от смерти императора Маврикия (т. е. от 602 г.), доведен лишь до 769 г. Известно, что патриарх Фотий чрезвычайно высоко ценил литературные достоинства этого труда, указывая на то, что изложение Никифора отличается непритязательностью и ясностью; слог его не гонится за прикрасами, но именно таков, каким должен быть поистине у хорошо излагающего и совершенного писателя. Он не гонится за чрезмерными неологизмами, как и не склоняется к излишним и изысканным архаизмам. Только лишь чрезмерная краткость и скудость его сообщений, может быть, умаляют эти достоинства.³⁷

В этой характеристике схвачены очень удачно сильные и слабые стороны этого труда Никифора, хотя хвалебная ее часть была обусловлена не одними лишь литературными достоинствами „Бревиария“, но и тем уважением, которым было окружено имя Никифора, как церковно-политического деятеля в византийской ортодоксальной традиции. Что же касается критической части оценки Фотия, то при всей ее справедливости она требует некоторых весьма существенных дополнений и уточнений, на которых мы остановимся в дальнейшем.

„Бревиарий“ Никифора, или, следуя греческому заглавию, *ιστορίχ συντομος* (по Фотию — *ιστορίχόν συντομον*), был впервые издан Петавием (D. Petavius) в 1616 г., затем без каких-либо изменений переиздан в Парижском корпусе византийских историков (1648), в Венецианском (1729), Боннском (1837) и в греческой патрологии Migne (Patr. Gr. t. 100,

³⁵ Ср. Migne, op. cit. и Pitra. *Spicilegium Solismense* 1, 380, слл.; IV, 292 слл. (отрывки из одного очень важного произведения полемического характера, направленного против постановлений собора 815 г., которое еще не издано полностью).

³⁶ Ср. K. Holl, в *Sitzungsberichte der preuss. Akad. d. Wiss.* 1916, S. 328 ff. G. Ostrogorsky. *Studien zur Geschichte d. byz. Bildersstreites*, 1929; P. Maas, *Byz. Ztschr.* Bd. XXX, SS. 279—287. Вопрос о подлинности этих сочинений Епифания остается дискуссионным.

³⁷ Photii Bibliotheca. Cod. 66, ed. Bekker. Bonn, p. 33. *Nicéphori Patr. Op. cit.*, p. 1.

р. 876—994). В основу этой публикации была положена копия пергаменной рукописи Ватиканской библиотеки (№ 977), содержащей, кроме „Бревиария“ Никифора, историю Феофилакта Симокатты и относимой обычно к XI—XII вв. В 1880 г. де Боор обнаружил оригинал рукописи № 977 и опубликовал новое издание текста „Бревиария“, в котором исправил ряд испорченных мест. Кроме того, он использовал при восстановлении текста некоторые места сочинения Никифора, включенные в лексикон Свида, глоссарий (изданный Крамером по cod. Baroccianus 50 в *Anecdota Oxoniensia* 2, 427 и сл., содержащий λέξεις ἐν τῇς ιστορίας τοῦ ἁγίου Νικηφόρου, а также и тексты византийских авторов: Theophanis Chronogr., Anastasii bibliothecarii Historia eccles., Georgii Amart.), которые могли помочь в восстановлении испорченных мест. Текст „Бревиария“ в издании де Боора доведен до 769 г. Фрагмент из Георгия Монаха, в котором идет речь о смерти Константина Копронима (775 г.), Петавий считал частью „Бревиария“, полагая, что „Бревиарий“ охватывал время, более позднее, чем 762 г.; но, как показал А. Mai (в *Bibl. Nova Patrum*, t. V, 3, 136), он взят из третьего Антирретика Никифора и, повидимому, в „Бревиарий“ не входил. В соответствии с объемом текста Ватиканской рукописи „Бревиария“ стоит и указание Фотия, что ἱστορίων συντομὸν... κατέειπε μέχρι τῆς εἰς γάμον κοινωνίας Λέοντος καὶ Εἰρήνης. Таким образом, текст, изданный де Боором, может считаться наиболее точно установленным. Правда, следует отметить, что по инициативе К. Крумбаха А. Бурхардт обследовал в 1894 г. еще одну рукопись „Бревиария“, не известную еще Боору. Рукопись эта — из собрания Британского музея (Cod. additional. № 19390), in quarto, пергаменная, IX в., т. е. хронологически близкая ко времени самого сочинения, содержит помимо „Бревиария“ Никифора и его же Χρονογραφικὸν σύντομον сочинения Иоанна Дамаскина. Текст „Бревиария“, помещенный на лл. 24—55, носит в этой рукописи заглавие Χρονογραφικὸν Νικηφόρου τοῦ ἐπιστάτου καὶ οἰκουμένης πατριάρχου, которое Бурхардт считает более близким к первоначальному заглавию, чем то, которое дает де Боор, так как последнее содержит слова τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν, указывающие на позднейшую редакцию, составленную уже после смерти автора. По мнению Бурхардта, однако, и это название не является оригинальным. Последнее, вероятно, было следующим: Ἱστορία συντομὸς Νικηφόρου τοῦ ἐπιστάτου καὶ οἰκουμένης πατριάρχου. Слова же ἀπὸ τῆς Μυριόχου βασιλείας, содержащиеся в публикации де Боора, вероятно, были взяты в Ватиканскую рукопись из эксцерпта Фотия, где говорится, что „Бревиарий“ „ἄρχεται ἀπὸ τῆς ἀναρέσεως Μυριόχου“ (cf. Photii. *Bibl.*, cod. 66).

В результате проведенного Бурхардтом сличения этого текста с ранее известным, он пришел к заключению, что в первой его части, обнимающей собой период 602—713 гг., лондонский текст при идентичности содержания сильно отличается от текста Ватиканской рукописи, использованной де Боором.

Различия эти касаются употребления времен, падежей, замены глагола существительным, упрощения выражений, замены слов, опускания слов и промежуточных предложений и, наконец, даже изменения целых предложений.

Кроме того, имеется большое число случайных описок и ошибок. Но что важнее всего, в лондонском тексте имеется одна очень существенная вставка, уточняющая ход исторических событий на Востоке в 635 г. и раскрывающая, как будет показано дальше, систему обработки источников Никифором.↓

Вставка эта отсутствует в обоих изданных вариантах текста Ватиканской рукописи — и Боннском, и де Бооровском издании „Бревиария“. Весь же текст Лондонской рукописи, в целом, остается неопубликованным, поэтому в нашем анализе „Бревиария“ приходится ограничиться текстом, изданным по Ватиканской рукописи, с теми поправками, которые изданы Бурхардтом.

Очень любопытны соображения, высказанные Бурхардтом по вопросу об источниках, положенных Никифором в основу его труда, хотя они требуют уточнения, так как не все пункты его доказательства оправдываются источниками. Обследованием было установлено, что в Лондонской рукописи представлен не окончательный текст „Бревиария“, но, скорее, текст другого, нам неизвестного автора, который служил Никифору источником при написании „Бревиария“ и был затем переработан и продолжен Никифором с использованием других произведений. Другими словами, Лондонская рукопись представляет материал, собранный Никифором для его истории. В пользу этого вывода говорит то, что текст Лондонской рукописи доведен лишь до ослепления Филиппика Вардана в 713 г. (de Boor, 49, 16), в то время как в Ватиканской рукописи он доведен (в соответствии со свидетельством Фотия о первоначальном объеме рукописи) до 769 г. Что такой объем определяется не случайными соображениями и не внешним состоянием Лондонской рукописи, видно из того, что текст последней заканчивается коротким заключительным предложением, в котором Бурхардту удалось прочитать с полной уверенностью лишь слова *χριστῷ* и *τελειωσάντι*, а также из того, что текст заканчивается на л. 55, в то время как л. 56 оставлен свободным. Наконец, самый ход изложения и все построения предложений, от начала „Бревиария“ и особенно от вступления на престол Ираклия до захвата Иерусалима персами в 614 г. (de Boor, 15, 2) в Лондонской версии сильно отличается от опубликованного текста Ватиканской рукописи, хотя все содержание их вполне идентично. Еще в 1881 г. Томпсон³⁸ в заключении к „Каталогу греческих рукописей Британского музея“ высказал предположение, что на тринадцати начальных листах содержится произведение утерянного и неизвестного автора, которое Никифор использовал для своей истории и переработал.

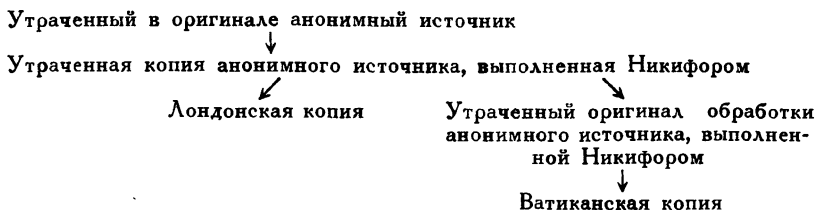
Этот фрагмент анонимного источника охватывает, однако, по мнению Бурхардта, лишь период 602—614 гг. и не доходит до 713 г. К последнему выводу Бурхардт приходит по следующим соображениям. Та часть этого произведения, где, например, говорится о переселениях болгар, находит свое соответствие у Феофана.³⁹ В то же время первая часть изложения, трактующая о времени правления Фоки и первых пяти годах царствования Ираклия, не находит подобного соответствия. Достаточно показательно уже то, — говорит он, — что Крисп, зять Фоки, который здесь многократно упоминается Никифором, как противник Ираклия, у Феофана нигде не встречается. Из этого можно заключить, что источник, использованный здесь Никифором, не был известен Феофану, не был известен и Синкеллу, материал которого был Феофаном использован.

Также исключена и возможность предположения, что здесь Никифором могла быть использована Пасхальная хроника, так как и в ней о Криспе вовсе не упоминается.

³⁸ E. M. Thompson. Catalogue of ancient Manuscripts in the British Museum. P. 1, Greek. London, 1881.

³⁹ Ей соответствует в опубликованной версии „Бревиария“ стр. 33 сл.

В конечном итоге Бурхардт рисует следующую схему взаимоотношения сохранившихся двух версий к оригиналу Никифора и его источнику.

Другими словами, Лондонская рукопись повторяет в копии не переработку Никифора, известную под названием „Бревиария“, а копию того источника, который был списан Никифором в части 602—614 гг.

Несмотря на то, что выводы Бурхардта кажутся на первый взгляд очень стройными и убедительными и к тому же были в свое время поддержаны К. Крумбахом,⁴⁰ все же при ближайшем рассмотрении приходится их считать лишь одной из маловероятных гипотез. Дело в том, что вышеприведенные доводы Бурхардта, заставившие его предположить существование какого-то анонимного источника, не известного ни Феофану, ни Синкеллу, в котором трактовались события 602—614 гг., не подтверждаются, по крайней мере в той своей части, где они касаются опубликованного материала.*

Если сопоставить текст „Бревиария“ Никифора в той части, где он трактует о Криспе⁴¹ и о событиях 602—614 гг., с текстом, относящимся к тому же периоду в хронографии Феофана,⁴² то оказывается, что у Феофана не только не отсутствует упоминание о зяте Фоки Криспе, но, напротив, там сообщается много сведений, отчасти изложенных вкратце у Никифора, отчасти же вовсе не упоминаемых Никифором и заимствованных в значительной степени у Феофилакта Симокатты. Утверждение же Бурхардта основано на том недоразумении, что Крисп Никифора фигурирует у Феофана под именем Приска. В том, что в обоих случаях речь идет об одном и том же персонаже, можно убедиться, если сопоставить следующие места:

Никифор, стр. 4

Крисп же (это был зять Фоки, который тогда занимал пост городского эпарха и был могущественным среди императорских людей) был враждебно настроен по отношению к Фоке по причине низвержения его статуи. Дело в том, что как-то димоты из партий противоположных цветов поставили ее наравне с статуей Фоки.

Феофан под 6099 г. (стр. 294)

В этом году Фока, тиран, выдал дочь свою Доменцию за Приска патрикия и комита эскувиторов и после совершения брака во дворце Марины приказал дать конские состязания. Димархи же двух партий выставили между увенчанными лаврами императорскими статуями на четырех колоннах увенчанные лаврами статуи Приска и Доменции.

⁴⁰ K. Krumbacher. *Gesch. d. byz. Liter.* 2-e Aufl. München, 1898.

⁴¹ Nicephori *Opusc. hist.*, p. 4.

⁴² Theoph. *Chronogr.*, ed. de Boor., pp. 259, 25; 260, 10, 399; 260, 27; 269, 16; 270, 1 sqq.; 273, 1; 273, 3; 274, 3; 276, 10.

И тогда он вступил на путь коварства.

Увидев это, император прогневался и послал привести димархов Феофана и Памфила и, поставив их обнаженными на стаме, велел отрубить им головы... Приск, обьятый страхом, испугался гнева императора. Однако, так как толпа требовала помилования их, Фока уступил. Но с тех пор Приск, питая к нему ненависть, неискренне обращался с Фокой.

Из данных Никифора о Криспе известно, следовательно, в сокращенной форме то же, что подробно излагает Феофан.

Кроме того Никифор сообщает об участии Криспа в заговоре Ираклия против Фоки.⁴³ И эти сведения можно найти в другом изложении у Феофана.

Никифор, 4, 10

Уверяя обманным образом Фоку, что он трудится в его пользу, и подтверждая, что Ираклий пришел на собственную погибель, Крисп в то же время содействовал Ираклию и бывшим вместе с ним в лучшем осуществлении их целей.

Феофан под 6100 г. (стр. 295)

В сем году Приск, не стерпев несправедливых убийств и поступков Фоки, писал к Ираклию и стратигу Африки, чтобы он прислал своего сына Ираклия и Никиту, сына Григоры патрикия, и его подчиненного стратига (ὕποστρατιγίου) против тирана Фоки.

С другой стороны, у Феофана подробно рассказываются факты предшествующей биографии Приска — его назначение начальником войск при Маврикии, его войны с аварами и славянами и т. д., которые отсутствуют у Никифора,⁴⁴ повидимому потому, что они хронологически предшествуют начальному пункту его изложения. В то же время у Никифора имеются данные о назначении Криспа военачальником в Каппадокию, произведенном Ираклием, и его последующей измене Ираклию — заключении в монастырь Хоры и смерти,⁴⁵ отсутствующие у Феофана. Неверно также утверждение Бурхардта, основанное на том же недоразумении, что о Криспе не упоминается ни словом и в Пасхальной хронике.

Под 6120 г. там имеется сообщение, вполне соответствующее тому, о чем свидетельствует Никифор в „Бревиарии“.

Пасхальная хроника, р. 703

В этом же году Приск, комит эскувиторов, стал клириком и вместо него стал комитом эскувиторов Никита патрикий.

Никифор, 1, р. 5, 16...

Криспа же Ираклий назначил стратигом и послал к армии в Каппадокию. Затем Крисп был заключен в храм (монастырь) Хоры и, прожив там год, умер.⁴⁶

⁴³ Theoph. Op. cit., p. 4, 10 sq.

⁴⁴ Theoph. Op. cit., 259, 25; 260, 10; 260, 27; 269, 16; 270, 1; 273, 3; 274, 3; 276, 10; 276, 22 sqq.

⁴⁵ Niceph. Op. cit. p. 5, 16; 5, 19 sq.; 6, 13; 6, 21.

⁴⁶ Согласно Никифору, преемником Криспа был на этом посту Филиппик, в это время расстриженный. О том, что Никита также занимал пост стратига Анатолии, Никифор сообщает косвенно (ср. 23, 13 под 635 г.) далее.

Интересно отметить, что тот же Крисп или Приск фигурирует и у других византийских историков позднейшей эпохи, преимущественно с вариантом имени, которого придерживался Никифор. Так у Феодосия Мелитенского⁴⁷ и стоящего в непосредственной связи с ним Льва Грамматика⁴⁸ повторяется известное уже сообщение о переходе Криспа на сторону Ираклия и о его последующем пострижении в монастырь. О том же кратко сообщает и Георгий Монах.⁴⁹ О жизни Криспа в монастыре Хоры, где он принял, по мнению некоторых исследователей, имя Федора, сообщает некоторые новые детали житие Федора.⁵⁰ С другой стороны, подробная биография Приска при Маврикии рассказывается Феофилактом Симокаттой,⁵¹ который и явился в этой части главным источником сведений Феофана. Краткие сведения о том же лице в транскрипции Приска (как у Феофилакты Симокатты) мы находим, как уже было указано, и в Пасхальной хронике.

Но если это так, то главный довод, заставивший Бурхардта предположить, что Лондонская рукопись представляет собой копию списанного Никифором в качестве материала для его „Бревиария“ не известного ни Феофану, ни Синкеллу, источника, охватывающего период 602—614 гг., — оказывается неверным. Интересно отметить, что издатель хронографии Феофана де Боор обратил внимание в своей публикации на ряд совпадений хронографии Феофана с „Бревиарием“ Никифора не только в части изложения событий после 614 г., но и ранее — в истории свержения Фоки и воцарения Ираклия (ср. например под 6101 г. Niseph. Brev. p. 5). С другой стороны, и в дальнейшем ходе изложения событий после 614 г. Никифор далеко не всегда ограничивается сокращенным и видоизмененным изложением фактов, имеющих у Феофана. Так, например, он сообщает некоторые совсем не фигурирующие у Феофана детали истории Юстиниана II, в частности, по вопросу о втором союзе Юстиниана с болгарями,⁵² в истории возмущения Артавазда,⁵³ переселении славян.⁵⁴

Следовательно нет достаточных оснований, если судить по опубликованным материалам, для особого выделения периода 602—614 гг., так как и в его пределах у Никифора и у Феофана встречаются несовпадающие детали.

Отсюда можно сделать лишь тот вывод, что Лондонская версия в целом, т. е. в пределах 602—713 гг., представляет собой одну из первых обработок (или ее копию) текста „Бревиария“ Никифором. Ватиканская же версия представляет законченный текст, поэтому она, вероятно, отличается от первой преимущественно фразеологически и лексически.

⁴⁷ Theodosii Meliteni qui fertur Chronographia e Codice graeco regiae bibliothecae monacensis ed. et reformavit Th. L. Tafel. 1359. Monumenta saecularia Bayer. Akad. 23/III 1859, II.

⁴⁸ Leo Grammat. Chronographia. Bonn. 1842, 145—147.

⁴⁹ Georgius Monachus. Chronicon, ed. de Boor Lipsiae, 1904, t. II, 668.

⁵⁰ Chr. Lorpärev. De S. Theodoro Monacho hegumenoque Chorense. op. Γεδεών. Βυζαντινὸν ἱστορολόγιον. Константинополь. 1899, стр. 227 (2-й пол. IX в.); ср. Ф. И. Шмит. Изв. Русск. археол. ин-та в Константинополе. София, 1906, стр. 21—23. Там же сведения о почти совершенно стертой надписи, носящей на себе, повидимому, имя того же Криспа — если считать убедительным ее чтение, для которого, как правильно замечает Ф. И. Шмит, к сожалению, оснований пока недостаточно. О Приске в Хоре ср. Кюдин. Топография, 121.

⁵¹ Theoph. Simoc. Historia. Lipsiae, 1887. III, 1, 1 sqq; III, I, 7 sqq; III, 1, 13; III, 2; III, 3, 1; III, 3, 7; VI, 47 sqq; VI, 5, 1; VI, 6—9; VI, 10, 3; VI, 11, 2 и др.

⁵² Niseph. Op. cit. p. 41, 25 sqq.

⁵³ 59, 20.

⁵⁴ 69, 2.

Тем не менее сопоставление этих двух версий может привести к плодотворным результатам для определения метода работы Никифора над источниками. Но прежде необходимо сказать еще несколько слов об источниках, использованных Никифором в „Бревиарии“ (в той степени, в какой это поддается определению на данном этапе нашего исследования). В первой части им использованы Феофилакт Симокатта, Пасхальная хроника, Иоанн Антиохийский, Георгий Писида. Однако наличие в изложении ряда детальных повествований (история Вутилина), отсутствующих в других известных источниках, заставляет предполагать, что в распоряжении Никифора наряду с названными материалами был какой-то анонимный источник, хронологические границы которого, однако, далеко выходят за пределы 614 г. (т. е. отнюдь не так, как полагал Бурхардт). Об этом свидетельствует хотя бы история второго союза с болгарами Юстиниана II, совершенно опущенная у Феофана, а равно и некоторые другие более мелкие, но немаловажные сообщения, о которых речь будет ниже.

Для позднейшего времени в его распоряжении были и некоторые документальные материалы (напр., письма императора Константина V).⁵⁵

В целом, „Бревиарий“ Никифора, при сравнении его с хронографией Феофана, внешне выгодно отличается своим более объективным и менее откровенно тенденциозным тоном, хотя, разумеется, и он далеко не свободен от общих для всех средневековых хроник элементов фантастики и провиденциализма. Поэтому „Бревиарий“ не без основания считали и в византийской исторической традиции авторитетным и хорошим источником. Ранее уже говорилось о высокой оценке труда Никифора, данной столь авторитетным и образованным писателем IX в., как Фотий. Генесий в разделе своей хроники, посвященной рассмотрению истории царствования императора Льва V, приводит, между прочим, оценку личности императора Льва V Армянина, данную Никифором, которая ярко свидетельствует об известной объективности Никифора. По словам Генесия, Никифор отозвался на смерть иконоборца Льва V Армянина следующими словами: „Ромейская держава потеряла в его лице, хотя и нечестивого, но великого хранителя (μέγαν προφιδεутήν)“. Если вспомнить о событиях, связанных с царствованием Льва, о его крутой иконоборческой политике и преследовании им как самого Никифора, сосланного в изгнание, так и его единомышленников, то объективность этого суждения вряд ли придется оспаривать. Достоинства труда Никифора и ясность его изложения превратили „Бревиарий“ в один из популярных источников, которым широко воспользовались при составлении своих хроник такие писатели, как Георгий Монах, Феодосий Мелитенский и Лев Грамматик, отдавая ему предпочтение перед Феофаном. Так, Георгий Монах строит все повествование о походах Ираклия против персов, следуя Никифору.

Однако, несмотря на эти бесспорные достоинства, при детальном сравнении текста Никифора с текстом Феофана в той части, где они трактуют об одних и тех же событиях, бросается в глаза то, что в системе сокращения развернутых повествований, часто заимствованных Никифором, как и Феофаном, из одного и того же неизвестного нам источника, имеется не только определенно выраженное стремление к краткому изложению, но и некоторая скрытая тенденция. Эта тенденция становится явной и при сравнении более обработанной оконча-

⁵⁵ Ср. например слова Никифора: „Если же он (Константин) и совершил что-либо незначительное и недостопримечательное, то об этом можно судить по письмам его к жителям столицы“. *Migne. Patrol. gr.*, t. 100, стр. 503.

тельной версии „Бревиария“, представленной Ватиканской рукописью, с Лондонской.

Георгий Монах	Никифор	Феофан
После Фоки стал царствовать Ираклий (р. 564)	Прибытие Ираклия в Константинополь (р. 3, 6—5, 10)	} Нет
Крисп вступил в монастырь	То же	
	Филиппик вступает на его место (р. 5, 10—7, 11)	
	Смерть Евдокии (р. 7, 12—27)	
	Вутилии (р. 7, 28—8, 26)	
Саит	То же (9, 12—12, 3)	
Голод и чума в Константинополе	То же (12, 4—19)	
	Крещение гуннов (р. 12, 20—28)	
Нападение аваров	То же (р. 12, 29—14, 10)	
	Ираклий выдает замуж Мартину (р. 14, 11—15, 4)	
Сарбар	То же, 15, 5	
Война с персами и т. д., вплоть до посылки послов к Хозрою.	15—79	

При изложении событий на Востоке в 635 г. Никифор рассказывает, например, о том, что сарацины после отказа Ираклия посылать им обычную дань в размере трехсот литров золота „стали опустошать ромейские земли“.

В опубликованном тексте „Бревиария“ мы читаем: „Ираклий приказал Федору,⁵⁶ иначе именуемому Трифурием (сначала квестору, затем магистру войск Востока.—Е. Л.), чтобы он воздержался от сражения с сарацинами. Они же сделали засаду и, подстрелив нескольких ромеев, увели их. Затем внезапно они набросились на них из засады и, окружив их, перебили многих стратиотов и архонтов“. В Лондонской же рукописи в этом месте вставлено новое предложение, вводящее в рассказ новую важную деталь, опущенную Никифором в окончательной версии „Бревиария“. Там мы читаем следующее изложение заключительной части того же события: „Подчиненный же ему стратиг не действовал согласно приказанию императора, так как был менее опытным, чем советовавший ему. Когда он начал строить войска, они были неожиданно обойдены врагами. И содействуя одержанию победы (врагами) путем восстания против императора, они еще в месте, именуемом Габиной, присоединились к сарацинам (καὶ συνεργὸν ὑπολαμβάνον τὴν νίκην τῆς κατὰ τοῦ βασιλέως ἐπαναστάσεως ἐτι τοίνυν ἐν τόπῳ καλουμένῳ Γαβινὰ συγκαταμίγνυσαι Σαρακηνοῖς)“.

Следовательно, в последующей переработке текста Никифор почему-то счел необходимым выпустить указание на восстание войск против Ираклия и их переход на сторону арабов, считая, повидимому, этот факт порочащим достоинство византийской армии. Интересно, что ту же тенденцию — маскировать всякие неблагоприятные для оценки внешней политики византийских императоров факты политической истории — можно констатировать и в ряде других случаев.

⁵⁶ Niseph. Op. cit., p. 23, 23; ср. Byz. Ztschr., V, 1896, p. 470.

Так, при изложении (очень обстоятельном и подробном) истории переселения болгар и их войны с Византией во времена Константина IV Погоната Никифор рассказывает об укреплении болгар близ Одисса. Он сообщает, что они заняли это место после неудачного похода против них Константина. Далее он пишет: „Они владычествуют и над живущими поблизости славянскими племенами. И одних из этих славян поставили для охраны от находящихся по соседству аваров, других же — для наблюдения над находящимися по близости ромеями. Укрепившись таким образом, они нападали на области и поселения Фракии и опустошали их. Императору же, видевшему это, пришлось заключить с ними договор об уплате дани“.⁵⁷ Феофан же, рассказывая о тех же самых событиях, пишет: „Они овладели живущими здесь семью коленами славянского народа (τῶν παρακειμένων Σχλαυινῶν ἐθνῶν τὰς λεγόμενας ἐπτὰ γυνεάς). Северян поселили на восток в береговых теснинах, а прочих, обложивши их данью, поселили к югу и к западу до самой Аварии. Расширившись таким образом, они возгордились и начали нападать на лагеря и местечки, находившиеся под властью Ромейского государства, и людей уводили в плен. Поэтому император был вынужден заключить с ними мир, согласившись платить ежегодную дань к стыду ромейского народа из-за множества его неудач (ἐτήσια αὐτοῖς συμφωνήσας πάλτι παρέχειν ἐπ' αἰσχύνην Ῥωμαίων и т. д.)“.

Характерно, что слова о постыдном характере договора и внешних неудачах Никифором здесь опущены. Немного дальше, рассказывая о походе Юстиниана II против болгар, он сообщает о переселении славян в Опсикий в полном соответствии с тем, что говорит и Феофан. Но и в этом случае сопоставление обоих текстов показывает, что Никифор опускает концовку, неблагоприятную для характеристики деятельности этого византийского императора.

Никифор: „Юстиниан разорвал мир с болгарами. Приведя конную армию во фракийские области, он сразу же устремился против славян. Сделал набег до города Фессалоник, многих из тамошних людей славянского происхождения захватил насильственным образом (πολέμῳ), других обещаниями и препроводил их через Абидос, поселил в так называемой Опсикийской области. Из них набрал в войско до тридцати тысяч народа и вооруженную его часть стал именовать „избранным войском“ и поставил над ними архонта из числа благородных Небулу“.

Далее автор переходит к рассказу о войне с арабами. Феофан же (под 6180 г.) пишет: „В этом году Юстиниан воевал против славян и Болгарии. Встретившись в это время с болгарами, он прогнал их. Придя в Фессалоники, он захватил большое множество славян — одних силой окружил, других добровольно, и переселил их в Опсикий за Абидосом. Но на возвратном пути, захваченный болгарами в тесных проходах, с великой потерей войск, со множеством раненых, едва мог сам уйти“. Об этих фактах Никифор ни словом не упомянул.⁵⁸

Еще один пример. Никифор, рассказывая о событиях из истории царствования императора Константина V Копронима, относящихся к 757 г., пишет:

„Болгарский государь, взяв слово с императора, явился вместе со своими архонтами к императору. Он принял их вместе с прежде перебежавшим к нему Савином, пристыдил их за беспорядки и за неприязнь, высказанные ими к Савину, и заключил с ними мир...“

⁵⁷ Niceph. Brev., p. 35. Sp. Theoph. Chron., s. a. 6171.

⁵⁸ Sp. Niceph., p. 36; Theoph., p. 354, 365.

„Во время же третьего индиктиона Константин вошел в Болгарию, потому что болгары отрешили от власти архонта, по имени Умара, поставленного Савином, чтобы провозгласить вместо него болгарина Токта, брата Ваяна. Болгарские беглецы укрылись в лесах по реке Истру, не мало из них было убито, среди них Токт и другие. Другой же их архонт, которого зовут Компагоном, бежал в Варну и, когда уже думал спастись, был убит своими рабами. Тогда Болгария была сожжена ромеями, так что многие поселения были опустошены и истреблены“.

Феофан, рассказывая о том же, ярко вскрывает черты двуличия византийской политики Константина, которые были опущены Никифором: „В том же году Паган, кир (χύρις) болгарский, отправил посольство к императору и просил с ним свидания. Получив честное слово от него, он прибыл к нему с своими войсками (τῶν βοικλάδων). Император принял его вместе с сидевшим у него Савином, пристыдил их за их непорядок, за ненависть к Савину. Как кажется, по внешности заключили мир (καὶ ἐποίησαν τὸ δοκεῖν εἰρήνην), но тайно (λάθρα) император послал в Болгарию захватить Севера, славянского архонта, который до этого натворил много бедствий во Фракии. Задержан был также Христиан, перебежчик из христиан, предводитель скамаров, которому у мола святого Фомы отрезали руки и ноги и потом отдали врачам; они его, еще живого, вскрыли (от пупа до грудной полости) для изучения внутреннего устройства и наконец предали сожжению. Император, выступив внезапно из города, нашел ущелья без охраны по причине обманного мира (διὰ τὴν ἀπατηλὴν εἰρήνην), прошел от Болгарии до Цики и, предавши огню их хижины, какие встретил, со страхом возвратился назад, не сделав ничего важного“.⁵⁹

Даже по отношению к Константину V, столь осуждаемому им за его иконоборческую политику, Никифор соблюдает в „Бревиарии“ ту же линию, что и по отношению к Ираклию, Константину Погонату, Юстиниану II и Леонтию.

Бряд ли можно считать случайным такое совпадение в приемах сокращения, особенно если принять во внимание, что Никифор в некоторых случаях не останавливается перед описанием самых мелких подробностей, как, например, в истории сановника Вутилина.

Однако особенно рельефно линия, принятая Никифором в „Бревиарии“, — стремление умалчивать о неблагоприятных событиях внешней политики византийских императоров и тенденция сглаживать по мере возможности впечатление о ее неудачах, — выступает при сравнении „Бревиария“ с другими сочинениями Никифора, особенно же с теми, которые были написаны им в изгнании, в ответ на иконоборческие мероприятия императора Льва V Армянина. В частности, в „III Антирретике“ Никифор не менее страстно осуждал деятельность императоров-иконоборцев, чем Феофан. На этом этапе своей жизни он полностью раскрыл свои карты, предав в развернутой форме гласности те факты, которые были им собраны, повидимому, ранее (как дает основание предполагать лондонская версия „Бревиария“), но которые он не счел возможным включить в окончательный вариант текста „Бревиария“,⁶⁰ сохраненный Ватиканской версией, так как они, повидимому, не соответствовали его тогдашним политическим воззрениям.

Разумеется, при рассмотрении оценки деятельности Константина V, данной Никифором в „Антирретике“, нельзя не принять во внимание

⁵⁹ Theoph. Chron., p. 436.

⁶⁰ Antirrheticus III adversus Constantinum. Corp. Migne Patr. gr., t. 100, p. 508—509, § 72.

полемического характера сочинения. В строках „Антирретики“, пышущих ненавистью к иконоборцу Константину V („Мамоне“, как его здесь именует Никифор), трудно было бы усмотреть сходство со сравнительно спокойным тоном изложения ватиканской версии „Бревиария“, если бы лондонская версия не приоткрывала завесу над способом обработки источников Никифором. Для ясности сопоставления привожу текст рассказа Никифора о походе Константина V в Болгарию, данный им в „Антирретике“. Изложение, имеющееся в „Бревиарии“, было приведено мною выше:

„Пусть измышляют для него [Константина V] победы: некоторые из них таковы — припомним одну из самых значительных. Когда он готовился к борьбе со скифским (Σκυθικόν) народом, поселившимся на западе от нас, то собрал все свои войска. Он вступил в сражение с врагом; каков был исход войны — свидетельствуют последствия: до сих пор около города Анхиала долина и поля показывают части тел убитых там. Почти все войско погибло от скифских мечей. Если же он совершил что-нибудь незначительное и недостойное, то об этом можно прочитать в письмах его к жителям столицы; в них этот прислужник и поклонник лжи весьма себя возвеличивает и проявляет великое богоборство в своих бесконечных клятвах..., хотя захватил этот народ во время восстания против его собственных вождей: у народов с варварскими нравами можно часто наблюдать, как они разделяются на две, — а то и больше, — стороны, когда видят противоречия своим желаниям. Такое возмущение произошло и против тогдашнего владыки их Савина, убежавшего к ромеям.

Таким образом, Константину доставили временный успех внутренние смуты и мятежи. А что касается восточных варваров, то он боялся и упоминания о них, так что даже на собраниях провозглашал (ὥς καὶ ἐπ' ἐκκλησίαις κηρύττειν), что со всем своим войском не дерзнет вступить в битву с небольшим их числом. Когда же их разделила по обычаю междоусобица, когда судьей у враждующих партий стало оружие и они стали замысливать взаимное истребление, он, скорее по-разбойничьи, чем по-воински, незаметно войдя в пределы Армении, взял ее крепости с согласия ее жителей. Но армяне и сирийцы — христиане, так как с врагами не-христианами он не вступал в битву никогда. Презрев данные клятвы, он переселил их во Фракийскую область. Фракия, я думаю, и теперь еще мстит за нарушение этих клятв.

Когда об этом нашествии (в Армении) узнали сарадины, то послали для нападения на него отряд тяжело вооруженных воинов, насчитывающий не более пяти тысяч человек. Узнав об этом их выступлении, Мамона тотчас же с сопровождавшим его войском обратился в бегство, не будучи даже в состоянии оставаться поблизости от них. Таковы его подвиги и победы над врагами.⁶¹

При чтении этого текста и сопоставлении его с данными, сообщенными Феофаном,⁶² трудно сомневаться в том, что, несмотря на явно полемическую окраску, в основе сообщенных здесь Никифором фактов лежат истинные события. Умолчание о них в „Бревиарии“, как уже было ука-

⁶¹ Привожу этот текст в слегка уточненном мною переводе И. Д. Андреева. В этом труде Андреева, являющемся в настоящее время библиографической редкостью, имеется и русский перевод „Бревиария“, содержащий ряд существенных пропусков (местами целых фраз и частей их) и неточностей. Я имела возможность ознакомиться с этой книгой при подготовке настоящей рукописи к печати, благодаря любезности Н. С. Лебедева.

⁶² Ср. Theoph. Chron., s. a. 6247.

зано выше, связано с общей тенденцией этого труда. Напомню, что подобные же смягчающие оценки внешних неудач Византии и ее императоров встречаются в „Бревиарии“ не только в отношении иконоборца Константина V, но и Ираклия, Константина IV Погоната и Юстиниана II.⁶³

Приведенный текст не внушает, следовательно, сомнений в том, что Никифор резко отличным образом освещал одни и те же факты в „Бревиарии“ и в „Антирретике“. Однако вывод этот естественно возбуждает вопрос о том, как было возможно подобное, казалось бы, несовместимое освещение одних и тех же событий у одного и того же автора. Вопрос этот может быть разрешен лишь при анализе политических воззрений Никифора.

Обычно принято считать, что „Никифор был, повидимому, корифеем светского клира, а Федор Студит — монашества“.⁶⁴ Приведенный выше материал, а также и данные биографии Никифора показывают, однако, что подобная оценка чрезмерно упрощена и явно недостаточна для решения тех вопросов, которые ставят перед исследователями противоречия, имеющиеся в трудах Никифора.

В действительности, политические воззрения Никифора претерпели в течение его жизни известную эволюцию, которую можно проследить и по фактам его биографии и по его литературным трудам. На первом этапе своей жизни и своей политической карьеры Никифор, вышедший из рядов светской сановной аристократии, видимо принадлежал к группировке, не разделявшей воззрений крайней монашеской партии, возглавляемой Федором Студитом. Последняя, требовавшая решительной расправы с иконоборцами, восстававшая против вмешательства императора в дела церкви, выступала в этот период, последовавший за восстановлением иконопочитания Ириной (787 г.), в роли политического противника Никифора. Группировка же, к которой принадлежал последний, строившая свое благополучие на покровительстве императорской власти, повидимому не принадлежала к числу пострадавших от мер, предпринятых Константином V против монастырского землевладения, и готова была поэтому сотрудничать с императорами, разделявшими программу умеренных иконопочитателей. Именно как ставленник этих „умеренных“ иконопочитателей, признававших верховенство империи над церковью, Никифор и был выдвинут в патриархи, невзирая на протесты монахов, противопоставлявших его кандидатуре кандидатуру своего идеолога — Федора Студита.

В это время Никифор, по всей видимости, ориентировался в своих политических взглядах на ту часть господствующего класса, которая, хотя и противилась внутренним реформам иконоборцев, однако считала невозможным распространять острие своей критики на власть византийского императора в целом и более всего была заинтересована в сохранении спокойствия.

Именно тогда, вероятно, Никифор и написал свой „Бревиарий“, всемерно (поскольку это было возможно для иконопочитателя) маскируя внешние неудачи византийского оружия, независимо от того, стоял ли во главе армии император-иконопочитатель (Ираклий, Константин IV Погонат, Юстиниан II) или отъявленный иконоборец (Константин V). Этот период в жизни Никифора совпадает со временем, предшествующим

⁶³ См. выше, стр. 83—84.

⁶⁴ См., напр., в работе Блэйка, единственном появившемся на Западе кратком обзоре литературной деятельности Никифора. — Byzantion, XIV, 1939, p. 4.

его избранию в патриархи, и началом его патриаршества. Стоявший тогда у власти одноименный ему император Никифор I, опиравшийся на слои светской землевладельческой знати, резко проводил политику главенства государства над церковью и отличался от своих предшественников терпимостью к „еретическим“ учениям, распространенным на византийском востоке.⁶⁵ Выбор Никифора в патриархи определялся, повидимому, тем, что он был близок к той светской сановной аристократии, на которую опирался император, и, казалось, мог обеспечить проведение в жизнь политической линии, принятой императором. Однако, как показывает наличная документация, Никифор по сути дела мало сочувствовал этой „умеренной“ политике, хотя и вынужден был до поры до времени скрывать свои, может быть, еще и не слишком резко определившиеся в это время взгляды. Он сам достаточно красноречиво говорит об этом в своем письме к папе Льву III, написанном лишь немного позже, при возведении на престол императора Михаила I (811—813).⁶⁶ Если утверждение Никифора, имеющееся в этом письме, что он принял кафедру против желания и „по принуждению“, и можно отнести за счет некоторого искажения истины в духе, угодном новому императору Михаилу I, то все же никак нельзя признать измышлением другие помещенные там сведения. А именно, что он тогда еще (т. е. при занятии кафедры) видел и неприязненность начальства, и враждебность ненавистников, и коварство и злокозненность тех, кои весьма старательно следят за делами и „нечестиво вооружают свои языки против предстоятелей и отовсюду нападают жестоко и весьма несправедливо“.

Расхождения Никифора с избравшим его на патриарший престол императором Никифором I выявились полностью при Михаиле I, когда он решился открыто высказывать свой взгляд. Взгляд этот на вопросы внутренней политики разделяла значительная часть иконопочитателей, духовенства, монахов. В этой среде не встречали сочувствия иконоборческие реформы, предпринятые на основе признания необходимости известных уступок требованиям народных масс и попыток устранения наиболее уязвимых мест существующего церковно-монастырского строя. В ней не было и сочувствия к императорам, использовавшим иконоборческие и антимонашеские лозунги для захвата земель в свои руки и передачи монастырских земель в руки военно-служилого сословия; к императорам, использовавшим власть для удара по угрожавшему целостности империи монастырскому землевладению.⁶⁷

Что Никифор разделял эти взгляды, видно из того, что когда смена (ненавистного монахам)⁶⁸ императора Никифора Михаилом позволила ему открыто высказаться, он обратился к последнему с посланием, призывавшим его начать преследования „еретиков“ — иудеев, монтанистов и манихеев.⁶⁹ Еретики же эти, по его мнению, являлись важнейшим резервом иконоборцев. Так в „Антирретике“ он высказывает эту точку зрения с полной определенностью: „Не могу опустить того, что более всего высказывает их (иконаборцев — Е. Л.) нечестие. Когда несколько

⁶⁵ „Для манихеев, ныне именуемых павликианами, и афинганов, живущих во Фригии и в Ликаонии, Никифор (император. — Е. Л.) был пламенным другом“. Theoph. Op. cit., s. a. 6303; Ibid., s. a. 6295, ср. J. Burg, Op. cit., p. 9.

⁶⁶ Migne. Patr. Gr., t. 100, стр. 170 и сл., „за провозглашаемого ныне благочестивого державного императора... воссылаем усиленные молитвы...“.

⁶⁷ Theoph. Op. cit., s. a. 6259, s. a. 6263. — Деяния вселенских соборов, т. VII, стр. 547—548; ср. также Theoph. Op. cit., s. a. 6303.

⁶⁸ Характерны резкие отзывы об императоре Никифоре Феофана.

⁶⁹ Nicephori. Patr. Opusc. historica, ed. de Boor. 1880, p. 159; Theoph. Op. cit., s. a. 6304.

лет назад бог возбудил дух известной своим благочестием... Ирины, то они (иконоборчески настроенные воины — *Е. Л.*) были удалены из этого города, в котором они злокозненно и безбожно водворены собравшим их (Константином V. — *Е. Л.*). Блуждая подобно планетам, они искали секту, в которой не было бы икон и памятников домостроительства Христова. Так они нашли с давнего времени нравившееся им неверие и безбожие манихеев, согласное с их учением, потворствовавшее их своей воле и проповедававшее то, что им издавна было приятно и желательно. Посему многие из них клятвенно отреклись совершенно от нашей веры и всецело стали на сторону их безумия. Уличенные в этом, некоторые из них, согласно законам, подверглись казни мечом⁷⁰.

Замечу, что преследования павликиан приняли столь явно опасный для правительства оборот, что их пришлось вскоре прекратить. Феофан, сообщая о репрессиях, примененных Михаилом I к этим „еретикам“ по совету Никифора, тут же сообщает,⁷⁰ что император „был удержан от этого другими советниками под предлогом покаяния (еретиков. — *Е. Л.*); но погрязшие в этом заблуждении не могут раскаяться“. В заключение Феофан рассказывает, что Михаил предал казни мечом немалое количество павликиан.

Эффект этих репрессий сказался с полной силой позже, когда павликиане, вместе с народными массами византийского востока, во время восстания Фомы Славянина оказались в рядах повстанцев. Фома и сам происходил из области Газуры, „вскормившей многих павликиан“.

Итак, если на начальном этапе своей карьеры Никифор выступает сторонником лояльности императорской власти и противником решительных мер, то при Михаиле I он становится инициатором последних. Вступая на путь агрессивной политики против иконоборцев и „еретиков“, Никифор, однако, не чувствовал прочной опоры в Константинополе. Характерно, что для укрепления своего положения, он при провозглашении императором Михаила I обратился с тем письмом к римскому папе Льву III, о котором мной уже упоминалось выше. При этом он счел необходимым указать в этом письме, что не мог обратиться к папе прежде, так как „жестокое и суровое приказание императорской власти повелело насильственно воспрепятствовать ему пользоваться узаконенным обычаем“, отмечая при этом, что „не легко бывает сопротивляться властям, когда они увлекаются собственными желаниями и стараются исполнять все свои намерения“.⁷¹

Никифор сближается со студитами, представлявшими собой крайнее крыло монашеской оппозиции.

С приходом к власти императора Льва V и началом нового этапа иконоборческого движения Никифор делает и последний шаг, вступая в открытый конфликт с императором. В то время как группа единомышленников Льва V вела, при активном участии Иоанна Грамматика, подготовительные работы к иконоборческому собору 815 г., Никифор пытается организовать оппозицию этим мероприятиям. Узнав, что многие епископы, прибывающие в Константинополь, направлялись не к нему, а в царский дворец, где вела свои работы группа иконоборцев, возглавляемая Иоанном Грамматиком,⁷² Никифор организовал в церкви собрание противников реформы.

⁷⁰ Игнатий (в житии Никифора) об этом умалчивает, хотя и говорит об инициативе Никифора в части репрессий.

⁷¹ Migne. Op. cit., pp. 196—197.

⁷² Nicephori. Opusc. hist., ed. de Boor, p. 166.

Он „всех к себе призывал, наставлял, увещевал не присоединяться к закваске (ζύμη) еретиков, убеждал, как яда и порождения ехидны, избегать чуждых извержений их учения“.

Когда Никифор отказался участвовать в иконоборческих мероприятиях императора, он был смещен и удален в изгнание в основанный им монастырь. Характерно, что в изгнании Никифора посещает глава студийских монахов Федор Студит, ныне уже единомышленник Никифора, а прежде столь сильно противившийся назначению Никифора патриархом.

На этом этапе своей жизни Никифор, полностью солидаризировавшийся с крайними сторонниками монашества и противниками реформы, написал свои полемические труды. Труды эти полны выпадов не только против императора Константина V, но и против тех демократических слоев населения Константинополя, на которые преимущественно опирались императоры-иконоборцы. Характеризуя эту народную массу, Никифор злобно перечисляет все те категории населения, которые шли за иконоборцами — „воинскую толпу меченосцев, бряцающую оружием“, и „выдающихся представителей димотов“ из цирковых партий (ἐν τοῖς δήμοις χρωμάτων τῆς ἱππικῆς ἀμύλλης προύχοντας),⁷³ и изгнанных из церкви за провинности клириков (καὶ μέρος τῆς Ἐκκλησίας ὅσοι ἐπ' αἰτίαις κανονικαῖς καὶ ἐγκλήμασιν ἄλόντες ἐξώσθησαν), и актеров, и мимов (τῶν θεατρικῶν καὶ τῶν ἀπὸ τῆς σκηνῆς οἱ προάγοντες, οὓς μίμους τῷ θεμῶδει καλεῖν εἰδίσταί λόγῳ), и торговцев, и отставных солдат, и городскую бедноту, которую он, не щадя красок, рисует как утопающую во всевозможных пороках. „Епископы, димоты, мимы и прочая неистовая толпа (ὁ ἄλλος μανικός) — таковы те, — восклицает он, — кто властно распоряжается догматами церкви“.

Любопытно отметить, что Никифор в своих сочинениях, написанных в рассматриваемое время, выступает и против тех прогрессивных течений научной мысли, которые стали пробивать себе дорогу в ту эпоху. В других своих работах я имела случай отметить некоторые факты, свидетельствующие о возросшем интересе к светской науке, который можно наблюдать с первой половины IX в.⁷⁴ Это было время, когда Иоанн Грамматик проводил свои „таинственные“ опыты в подземной „лаборатории“, когда тщательно переписывалась и украшалась великолепными миниатюрами рукопись Птолемея, находящаяся в настоящее время в Риме (Vatican. gr., 1291, 813—820 гг.).

О размахе этого движения, ввиду плохого состояния документации, можно говорить только предположительно; однако достаточно характерны для борьбы прогрессивного и реакционного течений в научной мысли того времени данные, которые можно почерпнуть из свидетельства самого Никифора. Никифор, выступавший в „Бревиарии“ как историк, достаточно сведущий в светских науках (хотя и отдающий дань суевериям, распространенным в средневековой Византии), в неоднократно упомянутом выше третьем „Антирретики“ открыто переходит в наступление против прогрессивного течения в науке. Разбирая факты деятельности Константина V, Никифор писал:

„И грозные атмосферические явления не могли быть неподвижными, когда наносилось оскорбление творцу.“

„Тогдашним людям казалось, что все звезды небесные стремительно падают на землю, до такой степени часто и сильно атмосферические

⁷³ Migne. Patr. gr., t. 100, p. 555.

⁷⁴ Византийский ученый Лев Математик. — Виз. Врем., т. II, 1949; О походе Руси на Византию ранее 842 года. — Ист. зап., т. 26, 1948.

ужасы изливались на пределы вселенной. Все вместе, и в одно и то же время жители востока и запада зимой и по ночам наблюдали это явление.

„И пусть никто не возражает, как это делают искусники, что эти небесные явления суть облакообразные густые испарения, по насыщении которыми земной воздух, поднимаясь ввысь собственным течением и изливаясь в эфирное пространство, под влиянием нагревания производит упомянутые падающие звезды и так называемые блуждающие огни, а также кометы с хвостами и прочие подобные явления, но я хорошо знаю, что в стихиях тогда было нечто необыкновенное: они выступали за пределы обычного течения порядка, выказывая тем скорбь свою по поводу происходившего“.

Приводя аналогичные факты в „Бревиарии“, Никифор выражает свою мысль много осторожнее, без всякого намека на происходившие по этому поводу дискуссии между сторонниками суеверий и противниками их, пытавшимися дать естественно-научное объяснение этим небесным явлениям.

Таким образом, „Бревиарий“ при наличии и в нем некоторой тенденциозности, сказывающейся преимущественно в умолчаниях о фактах неудач внешней политики, все же должен быть признан трудом, написанным сравнительно более объективно, чем произведения Никифора, написанные им в изгнании.

По своему содержанию „Бревиарий“ представляет тем более значительный интерес, что трактует о периоде византийской истории, сравнительно мало освещенном другими источниками. В нем содержится ряд сведений, восполняющих пробелы в истории периода от VII до второй половины VIII в. Среди прочих его сообщений чрезвычайно ценны сведения о персидских войнах Ираклия, во многом совпадающие с данными современных событиям армянских историков, и сведения по истории царствования Юстиниана II. Очень важны данные о переселении славян, включающие некоторые факты, не известные по другим источникам. Никифор указывает, например, что Артемий (Анастасий II) вывел из Фессалоник челны, именуемые *μονόζυγα* — однодревки, изображения которых встречаются в миниатюрах некоторых византийских рукописей, описывающих сражения Руси с Византией. Термином этим пользуется позднее и Константин Багрянородный, характеризуя славянские челны, приходившие в Константинополь с Руси.⁷⁵ Если при этом принять во внимание, что факты, сообщаемые Никифором, за редкими исключениями, очень точны и часто подтверждаются документально,⁷⁶ то важность „Бревиария“ как источника становится вполне очевидной.

⁷⁵ Constant. Porph. De admin. imperio, cap. 14. Bonn, 1840.

⁷⁶ Попадают, однако, и ошибки. Так, Шахин, по свидетельству Никифора, был убит Хозроем вместе с византийскими послами; в действительности же, как это вытекает из дальнейших событий, он умер лишь в 626 г.